

Из диссертационной работы «Деятельность органов ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье.1922-1934 гг.» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Омск,2015. Омский Государственный технический университет.
Автор работы – Василевский Виталий Петрович; Научный руководитель д.и.н., доцент А.В. Сушко.

.....Каким образом в Омском Прииртышье реализовывались указания по борьбе с польской разведкой, показывает дело ксендза М.М. Бугениса. Сам М.М. Бугенис был литовцем по национальности. В 1922 г. он был направлен римско-католической церковью для пастырского служения в Омск. По его делу проходили близкие к нему литовцы и поляки, которые помогали ему в пастырской и общественной деятельности. М.М. Бугенис был арестован 22 августа 1930 г. 20 мая 1931 г. он приговорен к 10 годам лишения свободы. 21 июня 1989 г. М.М. Бугенис реабилитирован Прокуратурой Омской области.

Как следует из материалов следственного дела (*Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П-11571*), М.М. Бугенис объективно попадал под действие установок руководства ОГПУ по усилению работы среди римско-католического духовенства и поляков. Во-первых, он был связан с проходившими по судебным процессам в Ленинграде Цепляком и Роппом. Отметим, что в 1924 г. в Ленинграде, где польская разведка была особенно активна, была ликвидирована польская разведывательная сеть. Как отмечает А. Мисюк, «... много разведывательных резидентур оказались под угрозой разоблачения. После проводившихся в течение нескольких месяцев переговоров с советскими властями (с заместителем министра иностранных дел Коппем) польским представителям удалось минимизировать так называемое «Ленинградское дело».

В обвинительном заключении ОГПУ М.М. Бугенису инкриминировалась «деятельность в Ленинграде». При Выборгском приходе, настоятелем в котором был М.М. Бугенис, существовала нелегальная католическая школа (что подтверждалось ПП ОГПУ ЛВО). На следствии М.М. Бугенис это признавал: «Я, будучи настоятелем Выборгского прихода в Ленинграде, имел в своем ведении католическую школу для детей, которая по существу являлась полулегальной, фактически же руководил жизнью данной школы Цепляк. Руководящий состав школы, да и вообще весь педагогический состав школы, за исключением двух учителей – матери и дочери Афанасьевых (католичек), был польский».

С точки зрения чекистов, контрреволюционная деятельность М.М. Бугениса в Ленинграде, его связи с Польшей подтверждались сопротивлением изъятию церковных ценностей, о чем М.М. Бугенис показал на следствии: «В момент изъятия церковных ценностей я получил устное распоряжение Цепляка, чтобы все ценности церковные сдать ему. Из слов других священников, в частности ксендза Буткевича, я узнал, что все церковные ценности сданы польской миссии».

Во-вторых, М.М. Бугенис вел широкую общественную деятельность, в

рамках которой тесно взаимодействовал с миссиями враждебных для СССР иностранных государств. В этой связи ему инкриминировалась полностью доказанная «связь с иностранными диппредставительствами в СССР и эмиграционная деятельность».

Как указывалось в обвинительном заключении, подготовленном сотрудниками ОГПУ, «... имеющиеся агентурные данные указывали на существование связи Бугениса с различными инодиппредставительствами в СССР и оказание последним различных услуг: в виде активной помощи польской миссии (в оптации и репатриации, информирование о политико-экономическом состоянии Омской губернии, распространение шовинистической литературы), германскому консульству – в виде информирования о состоянии немецких колоний и активизации эмиграционного движения и т.п., что находит полное подтверждение в материалах следствия». Сам М.М. Бугенис в ходе следствия не отрицал связи с иностранными миссиями, в частности, для оказания помощи польской миссии по оптации и репатриации.

Примечательна фраза из обвинительного заключения об «имеющихся агентурных данных». Она свидетельствует о том, что М.М. Бугенис в соответствии с указаниями руководства находился в разработке, и у сотрудников ОГПУ, ее проводивших, имелось соответствующее спецосведомление в окружении ксендза.

В этой связи примечательна личность ксендза И. Ворслава. Он в ходе расследования из обвиняемого превратился в свидетеля и дал важные показания (как следует из материалов следствия, Ворслав был освобожден, и дело в отношении него, в порядке ст. 4 п. 5. УПК, было прекращено). В частности, И. Ворслав показал: «Бугенис имел письменную связь с литовским и польским консульствами в Москве. Причем был один случай, когда Бугенис запрашивал польское консульство о том, как поступать с бедняками-поляками и польскими перебежчиками, обращающимися к нему с различными вопросами и просьбами о материальной помощи, на что консульство (говоря со слов Бугениса) дало ответ, сводящийся к тому, что таким лицам помогать не следует, ибо эти лица убежали в Россию, как совершившие вред польской республике, и с ними не стоит связываться и помогать не следует. После этого Бугенис действительно не стал принимать перебежчиков». Скорее всего, И. Ворслав был завербованным агентом ОГПУ. М.М. Бугенис на следствии не отрицал факт запроса в польскую миссию о помощи перебежчикам.

В деле М.М. Бугениса имелись многочисленные свидетельские показания о том, что обвиняемый активно интересовался различными аспектами жизни населения в регионе. Этого было достаточно для того, чтобы чекисты пришли к выводу, что «сбор различных сведений о политико-экономическом состоянии города и деревни, которым на протяжении всего этого времени занимался Бугенис, при наличии вышеуказанной нелегальной связи его с инодиппредставительствами дает право вменять ему в обвинение передачу этих последних сведений через нелегальную связь в заинтересованные

индипредставительства».

Кроме того, из материалов дела следовало, что М.М. Бугенис активно помогал лицам польской и немецкой национальностей, желающим эмигрировать из СССР. Как мы уже отмечали, борьба с эмиграцией из СССР была одной из задач органов ОГПУ. В этом отношении ксендз М.М. Бугенис вступал в конфликт с интересами советского государства и являлся объектом для работы его органов безопасности.

В-третьих, М.М. Бугенису инкриминировалась «связь с папским администратором в Харбине и римско-католическим духовенством в СССР». Следствием были доказаны контакты с папским администратором в Харбине, от которого М.М. Бугенис получал значительные суммы на свою деятельность, выполнял его различные поручения, вербовал молодежь для Харбинской римско-католической семинарии, которую Ватикан открыл исключительно для подготовки миссионеров для Сибири и Дальнего Востока. Контакты Бугениса с Харбином в той внешнеполитической ситуации также несли потенциальную угрозу безопасности СССР. В то время в Харбине хозяйничала японская разведка. Как отмечает О.Б. Мозохин, «Варшаву и Токио связывали в 1930-е годы весьма интенсивные контакты по линии спецслужб». Профессиональной обязанностью чекистов было постараться пресечь существование такого канала, по которому вполне могла быть переправлена разведывательная информация.

Раскрывая связь М.М. Бугениса с римско-католическим духовенством, чекисты указывали: «Бугенис информировал римско-католические центры, с которыми он был связан, о положении церкви в обслуживаемых им общинах, охватывающих территории бывших окружных границ Омского, Тарского, Ишимского и Петропавловского округов, вкрапливая в эти информации сообщения о мнимых преследованиях религии, о политико-экономическом состоянии нацколоний, о численности их и т.п. Помимо этого зафиксировано несколько случаев связи Бугениса с индипредставительствами через других ксендзов».

В-четвертых, М.М. Бугенису инкриминировалась «контрреволюционная деятельность». Религия рассматривалась советским государством как враждебное явление. Любой священнослужитель по роду своего занятия был противником государственной идеологии и легко мог быть обвинен по 58-й статье. М.М. Бугенис, игравший активную социальную роль, имевший обширные связи с заграницей, по меркам того времени естественно являлся контрреволюционером. В деле имеются показания свидетелей о многочисленных антисоветских высказываниях обвиняемого.

Материалы следственного дела М.М. Бугениса раскрывают то, как органы государственной безопасности Омского Прииртышья выполняли указания руководства по противодействию внешним угрозам с западного направления, в первую очередь со стороны Польши. Для сотрудников ОГПУ М.М. Бугенис был «врагом». Он являлся пастором римско-католической церкви и, занимая активную жизненную позицию, имел разносторонние связи с иностранными миссиями. Неоднократно и сознательно М.М. Бугенис

нарушал советские законы, проводил религиозную пропаганду и вел антисоветскую агитацию. Исходя из правоприменительной практики тех лет, обвинения в отношении М.М. Бугениса были обстоятельно доказаны. Интересно, что в 1934 г. в составе группы ксендзов М.М. Бугенис был обменян на политзаключенных в Литве. Это говорит о том, что сибирский ксендз представлял ценность для западных государств, единым фронтом выступавшим против СССР.

Мы не оправдываем политических репрессий в СССР, направленных против «потенциальных врагов». Однако следует заметить, что в условиях бескомпромиссной борьбы органов государственной безопасности с внешнеполитическими и внутриполитическими противниками советского государства в определенной степени репрессии обеспечивали безопасность страны от внешних угроз, лишая иностранные государства потенциальной разведывательной базы и какой-то части реальных агентов.

Для историка интересен вопрос с реабилитацией ксендза М.М. Бугениса. Она состоялась в 1989 г. в рамках политической кампании, которая была организована в СССР в период деградации и распада советской государственности. Указанная акция в значительной степени проводилась с целью десакрализации советского прошлого, дискредитации в глазах населения органов государственной безопасности. В ходе ее совершенно не учитывались исторические особенности эпохи. При проведении политической кампании по реабилитации не обращалось внимания на то, что органы ОГПУ в своей деятельности руководствовались существовавшими в то время законами, направленными на защиту социалистического государства, исходили из действующей в стране правоприменительной практики.

По меркам эпохи М.М. Бугенис был идейным противником советского государства, от которого исходила угроза его безопасности. Профессиональной обязанностью советских спецслужб была его нейтрализация. Даже если бы советские органы государственной безопасности осуществляли не тотальную, а точечную чистку общества от противников режима, М.М. Бугенис неизбежно попадал и под нее.
